

Рис. К. Валова.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Григорий КОЗИНЦЕВ

«ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА И ЯРМО С ГРЕМУШКОЙ...»

Имя Григория Михайловича Козинцева (1905—1973), одного из крупнейших советских кинематографистов, вмещает в себя целую эпоху: и общесоветскую, и частную, экранную. Он застал кино еще в то время, когда оно не имело голоса. И его собственный, режиссерский голос обозначался и обретал определенность по мере того, как и само искусство кинематографии обрело уверенность в своих силах и возможностях.

Вначале была безмоленная «Шинель»; затем — энергичная, жизнеутверждающая трилогия о Максиме, потом — смешной и лиричный Дон Кихот, позднее пришла необходимость осознания мира посредством трагедии: «Гамлет», «Король

Люди, которых с малых лет не учили, но «натаскивали». «Натаскивали» на французский язык, на хорошие манеры, на «за веру и царя...».

Психологическое различие восприятия человека научившегося и человека натасканного. XI.48.

Лир». В промежутках — вся остальная жизнь: преподавание во ВГИКе, исследование творчества Мейерхольтда, Эйзенштейна, Чаплина и, конечно, съемки. Среди многочисленных жанров творчества, в которых находила самовыражение личность Козинцева, значительное место занимает такое, казалось бы, второстепенное направление, как дневниковые, или мемуарные записи. Не они, разумеется, принесли известность и славу их автору. Но без них знания об этой личности вряд ли можно было бы считать исчерпывающими. Предлагаем вниманию читателей некоторую часть таких записей — до сих пор нигде не публиковавшихся.

Чарующая наивность идиотов. Абстрактные поиски виновности человека, которого на улице избивают хулиганы. «Вероятно, их раздражал его галстук. Да и стоит ли, действительно, так претенциозно одеваться?..»

ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ РАЗНЫХ ЛЕТ

Может быть, одет он был, действительно, безвкушно... XI.49.

Приглашение ставить «Ричарда». Разговор с Михоэлсом.

«Из манеры славянофилов видно, что если бы материальная власть была их, то нам бы пришлось париться где-нибудь на Лобном месте» (Герцен).

До чего же люди обожают сниматься! Знакомый, умолявший устроить его в массовку для заработка, сразу же на съемке обиделся, что его плохо одели и что его не будет видно.

Это же признак живучести человеческой природы! «Не хлебом единым...». XI.49.

Истинным космополитам не дорога национальная слава культуры, и они охотно отдают Эйзенштейна и Шостаковича.

(Окончание на 8—9-й стр.).

Экран и сцена — 1991. — 21 марта (№ 12) — с. 1, 8-9

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Странность привычных понятий при их ближайшем рассмотрении. «Ночь средневековья». «Светлые идеалы Возрождения».

Ракурсы гуманизма. Эмансипация личности от догм морали.

Количество идей у человечества. Перетряхивание в мешке. П.51.

В Ялте, в чеховских местах живут его мысли и образы.

На катер вошла женщина с маленьким песиком. Почему-то тот факт, что она несет на руках собаку, вызвал общее возмущение. «Бросить эту собаку в воду, вот бы настоящее дело», — сказал полковник-летчик. Когда на Золотом пляже, на останков, женщина чуть было не пропустила стацию — возмущение усилилось. «Вот уж, действительно, как Чехов написал, — «дама с собачкой», — сказала какая-то гражданка из отдыхающих.

У входа в чеховский домик продают открытки. Можно не удивляться портретам Орловой, певица Бейбутова, но все же странно, почему именно здесь продают виды Ясной Поляны.

В музее толчея народа, заводная речь экскурсовода. «А как прийти, чтобы людей было не так много? — Да что вы, это ведь плохая погода, дождь, вот и понаехали экскурсия. А чтобы в солнечный день, — да что вы?»

Вещи в музее, как бы хранят контуры фигуры Чехова. Длинное, узкоплечее пальто, в котором он ездил на Сахалин. Узкие ботинки на пуговицах. Размышления прерывают крики: «Мишка, гляди, бабки. Вот бы тебе в таких сегодня на танцы».

Особый интерес экскурсия вызвала жена Чехова. — Кто была жена? — Ну да, артистка? — А где играла? — Как жива?

Образ Чехова как бы дополнен полученными сведениями, что жена народная артистка, лауреат. 30.V.55.

Хлеб и зрелища и ярмо с гремушкой...

Белинский ненавидел людей, которые хотели «мысль на веревочке водить». А теперь сплели новую веревочку и хотят водить на ней новую мысль.

Эпоха и времячко. В произведении было правильно отражено времячко.

Произведения, участия в которых неизменно привели к успеху. Премировали не актера за исполнение, а главное действующее лицо за высказывания.

Актёр — «Лауреат международных санаториев».

Шофер Интуриста сказал, что работает «на покаях».

Шекспировская конференция ВТО постановила довести до сведения Министерства культуры свое отрицательное мнение о фильме «Отелло» («Театр», № 7). Цель? Чтобы Ютгевичу понизили зарплату? Вынесли выговор? Больше не смели ставить так «Отелло»?

Спор должен иметь окончание. Резолюцию за ответственной подписью и официальной печатью. Вопрос должен быть разрешен «служебным порядком».

Рылев должен был довести до сведения центра Северного общества декабристов свое несогласие с тем, что Алеко водит медведя. Постановление о Франце фон Зинкене должно быть вынесено Союзом коммунистов с опубликованием в «Ново-Рейнской газете».

В Контбеле у нас жила ручная ласточка со сломанным крылом. Ее можно было кормить только мухами. Дети узнали и целый день таскали ей перышки мух.

Я лежал в постели. Пришел мальчик 10—11 лет и стал кормить птицу. Меня поразила ласковость его разговора с ней. Он говорил: «Кушай, дорогая птичка, ешь, моя кошечка, вот тебе, дорогая». Я обернулся. Он держал в руках живую, трепещущую бабочку и аккуратно двумя пальцами отрывал кусочки ее крыльев, лапки.

История с романом Лудинцева «Не хлебом единым» и его критикой. Интересен и не роман, и не критика. Примечательно нажимание кнопочки. То же с драмной статьей об отставании театра в «Вопросах философии» * — нажимание кнопочки и музыкальный жемб звонка.

Можно жить и можно существовать. Об этом есть и у Белинского в письмах.

Человек в Доме творчества писателей. Он все купил за границей. Пиджак и рязные сапожки. Рубашку с новинным воротничком. Носки локс. Берет шедевр. Забыл купить только один предмет: рожу. VII.57. Дубулты.

* Назаров Б. А., Гриндман О. В. к вопросу об отставании драматургии и театра. «Вопросы философии», 1956, № 5.

Эйзенштейн. Статью начинать с художника — зеркала. Фабричная шлифовка. Артельная работа. Уникальный предмет искусства. В том числе искусство природы. Свойства этой амальгамы. И что случилось, когда венецианский шедевр отдали на фабрику для шлифовки, согласно нормативам технологического контроля. Так сказать, провели через технологическую линейку.

Стекло перевернуло трещина. Она продолжилась в правом затылке почерка. Он обвел его кружком и написал: так прыгает почерк при сердечном спазме *.

Привести его надписи на подаренных книгах.

У нас есть привычное выражение: «Над чем вы работаете?». Работают и «над кем». Работают «над Эйзенштейном»... Меняется жанр. Вместо трагедии получается пастораль. «Между нами говоря, старик-то был трудный».

И стал — легкий старик. Отключился на все. Любил молодежь. Признавал ошибки. Даже радостно признавал. Всей душой.

Догадайтесь: кто это? Теперь начали работать над Довженко. Тоже хорошо потрудились покойник. А если ошибки — так, пожалуйста, — каялся с восторгом. Это для него было первым делом — каяться. И какие записные книжки! Так и писал: «Слава труду. Слава трудящимся!». Вот какой он был. Давайте назовем студию его именем. Хорошо!

Комарово. Неповторимая черная темнота. За спиной лай овчарок. Облаивание по очереди. Хриплое радио на серой, слякотной улочке. Луна. Скользящий лед. Ноги проваливаются в воду. Во тьме взвизгивает дева, сопит пьяный. Качается огонек папиросы.

Какой век? XII.57.

«Летопись будничных злодеяний теснит меня неумимо, как порок сердца» (Бабель). I. 1958.

Москва. Творческая конференция Союза кинематографистов.

Полупочтенная старость полуудачливых карьер. Интонацией приказов Верховного командования оглашен список всех халтурщиков из секции кинодраматургов, бесстыдно собирающих оброк уже даже не со столбчатых (там их не раз уже ловили), а с окраинных организаций.

Старческие руки тянутся за перстеньком. А уже давно известно, камень в нем — стекляшка.

Котильон за столом президиума.

Под страшный крик о необходимости современной темы толпы народа бросились в Эрмитаж и остановились, замерев, перед головой принцессы Нефертити, созданной в XIV в. до нашей эры.

Эхо поэзии и эхо постановления о поэзии.

Ялта. XI.63. С детства я помню спор: важнее ли в искусстве «кто?» или «как?». А существенно иное: «кто?» и «сколько?» — личность автора и сила его духовной отдачи.

Правда, случилось и так, что «сколько» зависело часто не от «кто» — его истинных стремлений и возможностей, — а от вовсе иного местоимения, обозначаемого уже множественным «кем...» «Кем руководилась работа? Кем заказывалась? Кем принималась? Или: от «кого» зависел «кто». В этом случае намного уменьшалось «сколько», а сам «кто» превращался в «ничто».

Род пророчества бывает не только эпический. В этой связи можно подумать и о Салтыкове-Щедрине и даже о Кафке. Увы, может быть, и о Бенкете...

Хорошо бы отдохнуть, а потом еще раз снять «Гамлет»... XII.63.

Телевидение — новый род мучений, прибавившийся к дыбе, испанским сапогам и «железному дереву»: пытка дикторским текстом, выматывание души энтузиазмом и хвастовством. Возбодренный, железный голос молотом бьет при попытке начать думать, чувствовать, хоть что-то ощущать. Он так нагло и лживо навязывает вам оценку того, что происходит на экране, что даже самые трогательные события — раздражают.

Откуда взялся в стране, где писали Толстой, Чехов, этот стиль казенной оды? 8.III.64.

Заседание худсовета в Москве относится к недоставкам введения кибернетики в производство. Все еще кустарщина речей. II.65.

Искушение святого Антония: перед отшельником предстают видения общего собрания, вылазили с культурником, наяривающим на баяне, забивание козла, демонстрации...

Такое не сыграло и самому Иерониму Боску.

Это трагедия не только Лира, а и народа. Не забывать о возможности даже в середине XX века азиатских десютеж.

Вся атмосфера первой сцены вовсе не торжественно-величественная, как принято в театре, а, напротив, истерически звинчивающая, неестественная для разумной жизни государства, народа. Обязательное такое обожествление заключает в себе и неминуемый крах, катастрофу. Дальнейшие события траге-

* Записано по памяти. Текст Эйзенштейна: «В этом месте случился сердечный спазм. Вот его след в почерке. 10 февраля 1949 г.». В ночь с 10-го на 11-е февраль Эйзенштейн скончался.

Григорий КОЗИНЦЕВ

«ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА И ЯРМО С ГРЕМУШКОЙ...»

ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ РАЗНЫХ ЛЕТ

дни не случайны и не вызваны какой-либо патологичностью характеров, а закономерны. Это крах целой системы, и все в нее вовлечены. Все ее создавали...

Трагическая тема подавления, погребения под железом, затканная рта в 13-й Симфонии Шостаковича («Вабий Яр»).

В «Короле Лире» я хотел бы составить комментарий к «Откровению св. Иоанна», развязку к одному сочинению, составленному на моих глазах историей.

Потешно, что всенародное чествование Шостаковича проходит под названием фестиваля «Белые ночи». Добролюбов выразился куда точнее **.

Вот чего в музыке Дмитрия Дмитриевича нет, того нет: белых ночей. Не вернее был бы заголовок «Черные денечки»? VI.66.

«Уже не только герои вели между собой диалог, а человек в зале вмешивался в действие, руководил людьми на экране. Вот подпольщик Поливанов замесился в толпу рабочей демонстрации. — Для чего? Куда идешь? Захотелось ему провалить организацию... Скажите, какой нетерпеливый! — отчитывал он тех на экране.

Вероятно, сегодня Наташе было легко превратить урок в вечерней рабочей школе в агитацию. — Молодец! — подбадривал ее голос из зала. — Так и надо было работать. Хорошая учительница, товарищ Наташа!

Зато, когда она после провала организации терлась, составляя неумелую прокламацию, прошлые заслуги были сразу же забыты. — Дура! — недоуменно возмущался голос. — Ничего умнее не могла придумать!.. Голосу надо иметь на плечах, товарищ Наташа!

* Имеется в виду «Откровение св. Иоанна Богослова» («Апокалипсис»).
** Имеется в виду статья Добролюбова «Луч света в темном царстве».

рые до поры до времени прячут камень за пазухой. Что будет раньше вынуто: кукиш или камень? That is the question *.

Бытуют особые, чисто академические термины, например: «Он нас курирует».

Разговор с «...» — нечто вроде укротителя в клетке. Хищники, конечно, дрессированные, но все же... Как мне говорил Эдер во время съемок со львом в «Дон Кихоте»: «Григорий Михайлович, осторожно — скотина есть скотина». 20.V.68.

Машина работает. Что она производит? Пригоняет немисливо усложненный аппарат сопричастности групп и лиц — иерархию повиновения. 23.VII.68.

24.VIII. События в Чехословакии. «Скрепляющая идея совсем пропала» (Достоевский).

И с каждой Пристяжкой Падал престиж**.

Память: вечер с Трнкой. Дом на «острове». Мерцание старых фонарей. Беленая комната с дубовыми балками. Камин, выложенный изразцами. Игрушки.

Разговор о Кафке: «Кафка был чех. Сартр тут ни при чем. Страх человека». Об Алене Рене: «В этом саду нет птиц»***.

Внешность Трнни. Любимый Шекспир. Поездка по Праге. Порхающее барокко. Валет святых. Время, когда небо еще не черное, а серое. Подсвеченные в сумерки статуи усиливают театральность впечатления.

«Гоголиада». «Двести семейств». Нос сняли, как несправившегося. XI.68.

Цирюльник был с биографией: он подстригал один усы, потом брил одну лысину.

Ковалев видит: несут портрет, вокруг пляски в национальных костюмах. Майора увлекают в хоревод. Оказывается, он пошел в гору.

Этот человек был, как пишут наши литературоведы, «оглуленным советского человека».

Экранизаторы, или, вернее, съемщики. Можно прописаться на жилищлопадни классика. Приписаться к ней. Текст перегороджен фанерными перегородками кадров. Вырублены окна: на дворе скачут лошади и плавают лебеди.

Коммунальная квартира. Ответственный съемщик съехал. Осталась только дочечка с именем и фамилией. 30.XII.68.

Аркашка и Несчастливцев, по Мейерхольду, потопки балаганных потешников: «...два шута гороховых будут распахивать устои этих прочных благополучий». Да ведь это же «Лир»: сумасшедший король и слепой Глостер.

Но рамы нет. И границы между ними и разрушенными городами, концентрационными лагерями, сиротами войн, каленами эпох — уже нет. Не должно быть.

Зрителю, к вам обращаемся: поймите!

И плявать я хотел, что об этом думаю в московском Доме кино, кафе «Флор» на бульваре Сен-Мишель. Отделе культуры, и в журнале «Кафе до «Синема»...III.69.

Казалось бы, список людей и профессий, лучшим другом которых был Сталин, в свое время исчерпан. Оказывается, одного человека все же упустили из виду. Сталин был лучшим другом писателя Булгакова. Они отлично жили вместе — Михаил Афанасьевич и Иосиф Виссарионович.

А мешали люди с фамилиями Авербах, Блюм, Рабинович.

Последнего, правда, я вписал сам, в «Огоньке» Рабинович пока не указан, 22.III.69.

Для Бакунина человек стал человеком через бунт. Три стадии развития: животный человек, мысль, бунт.

Если бы я ставил «Лира» в современной обстановке, то одним из наиболее часто появляющихся мест была бы заправожная станция на больших автострадах. Люди в комбинезонах тащут шланги с бензином, смаывают грязь с кадиллаков. В придорожном баре Регана или Говерилья шьет виски.

Мотели, реклама «Шелл» и «Юна-кола», потом казнава: неботиный Лир глядит на проежающие машины, говорит, что он — каждым двоймом президент. 13.IX.69.

Тип бездарных, глубоко неинтеллигентных, ремесленнических лент, на изготовление которых перешло наше кино. Даже парни рзучались делать, усов и бород не умеют наклеить, чтобы на экране не торчала пакля. Зато натурные съемки в Париже, Праге, Варшаве и еще каких-то местах, где можно купить себе нейлоновую рубашку.

Сволочная банда.

В итоге гуманизации кнут и пряник стали одной единицей. Ей поощряют и, отбирая ее, ей же наказывают. Это — туристическая поездка.

По категории психологии — манок.

* Вот вопрос (англ.).
** Из поэмы Б. Пастернака «Девятьсот пятый год».
*** Впечатление Трнни от просмотра фильма А. Рене «В прошлом году в Мариенбаде».

Гоголевский департамент подлости и лжи.

В образах-метафорах, о которых я писал, режиссер открывает продолжающуюся жизнь, живой смысл, значение далеко превосходящее внешне определение. Предметы объединяются развивающейся мыслью, чувством автора. Они одухотворяются.

Для меня все началось, когда я прочитал речь Гомулки...

Завтра приезжает Дмитрий Дмитриевич. Обычно это один из наиболее радостных периодов работы. 14.I.70.

Нельзя стереть со своей памяти следы реальных трагедий. Тогда, как художник, ослепнешь.

Какую книгу можно было бы составить из высказываний Шостаковича!

Вырождаются и становятся пародией амплуа. В «Директоре» Салтыкова время от времени появляется плотный высокий человек с большим носом и откормленным, гладким лицом. Его почему-то все уважают до чрезвычайности и слова его (совершенно не значительные по мысли) выслушиваются с величайшим вниманием. К его приходу секретарь-подхалим велит расстелить красную дорожку почета (это делает по существу и режиссер).

Его фамилия Закарнадзе, и он похож на артиста, отлично играющего «Отца солдата». М. б., его уважают за такое сходство? Нет. Поскольку речь идет о стройках заводов, задумываешься (единственный раз в фильме) Ордоникидзе?

Ни автор, ни артист, ни режиссер ни минуты не потратили, чтобы придумать — даже в самых крохотных чертах — образ. Просто вдвинули амплуа. Герои. Наперсники. Вестники. Фигуранты. 6.V.70.

Ужас, отчаяние от ощущения огромности, злобной силы «толпы», «черни», «пошлости» — я узнал это в детстве.

Теперь понимаю существо этого жизненных сил, залейменных Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Блюмом, Маяковским.

Гогоучая и рогоучая толпа, жаждущая растоптать сапожниками. Кого? Прежде всего того, кто своим существом — геном бесконечных поколений — чудил им всем. Кто — исключение из правил (их проклятой таблицы умножения), иной, отдельный, непохожий. И, конечно же, — более слабый — художник.

Скрутить его в бараний рог, согнуть в три погибели, заломить салазки, сделать такую вселенскую смазь, чтобы он век не очухался.

Очерки бурсы XX века. Бурсаки — социалистические реалисты.

Так рождается у меня новый фильм. Определяется его место в темплате, уточняется его идейная насыщенность, воспитательное значение.

Художник не умирает естественной смертью и не кончает жизнь самоубийством. Его убивает время. 30.I.71.

Сверлящий мозг — до реальности зримый со всеми своими стартами — эпиграф у Радичева. 23.IV.71.

Я понимаю, что можно крупному ученому понять различные мельчайших признаков отличий диалектов или завитушек на каком-нибудь древнем орнаменте. А пусть найдет профессор, который объяснит мне, когда эта сытая и одетая в заграничном шпана называет свою жратву, безделье и просмотр тех картин, на которые обычные граждане права не имеют, «симпозиумом», а когда «семинаром».

Вероятно, ораторство и актерское искусство не совместимы.

Новелла об оккупанте. Как он учит язык колонии, ее нравы и обычаи и, будучи незлым и порядочным человеком, хочет, не оскорбляя лояльных туземцев, нести свою службу.* 1.73.

Из Станиславского сотворили даже не кумира, а охраняемого милицией Лысенко.

Против «системы»? Значит — против Маркса и Энгельса. Свиста «мою милицию». IV.73.

Кажется, в одной из ранних поэм Маяковский хотел солнце вестя за собой на цепочке, как мопса.

Такая картинка: идет режиссер — лихо шагает, задрал голову, — а за ним на цепочке, «к ногам» идет Шекспир. А то и в наморднике. Это уже нам образец: «чтобы не скалил зубы, не рычал» — без аллюзий. IV.73.

Сперва в искусстве были иллюзии. Потом пошла аллюзия.

Стендаль просил в завещании написать на могильной плите:

А. Бейль. Миланец. Жил. Писал. Любил.

Просто: Писал. И все.

Публикацию подготовила В. Г. КОЗИНЦЕВА.

* Записано после разговора с очередным руководителем, только что пришедшим в кинематографию с партийной работы.